

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ

СТИХИ

Андрей Рафаилович Мельников

АЛИЗМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70600645

SelfPub; 2024

Аннотация

В данный сборник вошли стихотворения, написанные еще в эпоху позднего СССР, включая период Перестройки, закончившийся развалом страны и образованием современной России. Это не могло не отразиться на содержании стихов. Что касается формальной стороны дела, то многие из них носят экспериментальный характер (Ализм – это как бы то, что свободно от наслоений реализма). В книгу включены несколько рисунков автора, а также видео-стихи, выполненные им еще машинописным способом.

Содержание

Комплимент	10
Затишье	11
Этюд	12
Звездные стебли смеха	14
Дельфин	15
Белое лезвие слов	16
Будто ветер пьяный	18
Примитив (по Анри Руссо)	19
Пожар	20
Анти-Урба	23
Крокет	24
Экспрессионизм (по Отто Диксу)	25
Страх	26
Ожидание	27
Глаза-метро	28
Побег	29
Дегустации людей	31
Будь я скульптором	33
Дым из трубы	35
Терновый венец	36
Венеция (У.М. Тернер)	38
Натюрморт	39
Графика	41

Ускользящий	43
Любительский фотоснимок	44
Ерш	45
В поезде	46
Вместо эпитафии	48
Наводнебье	49
Брейк-стих	50
За-точка зрения	52
Пинг-понг	53
Натюрморт с чугунным котлом и свечкой	54
Коктебель	55
Цыпленок	56
Демонстрация	57
Выход в море	59
Звуки дня	60
В.А. Сосноре	61
Земля	62
Вода (читать под водой по телефону)	63
Воздух	64
Огонь (Сжигание Красного коня)	65
Урок пения	66
Кузнечик	67
С выражением ветра	69
Когда же?	70
Ворвется ночь	71
Глаз лягушки	73

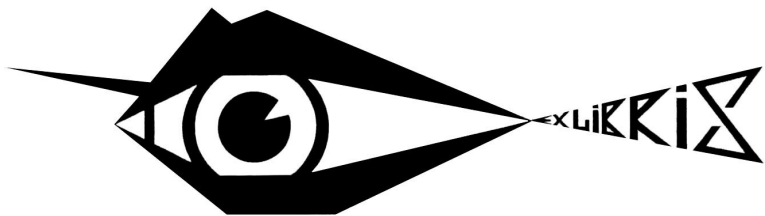
Когда вопрос ребром	74
Телеграмма	75
Краб	76
День рождения Божьей коровки	77
Колокол	78
В присядке гопака	79
Пластилин	80
Фаза Шивы	84
Мемуары кота	85
Сверчок	86
Проталины букв	87
Траектория букв	89
Гласность	90
Согласие (Консенсус)	91
Точка	92
Дерево познания	93
На красной нити	95
Д-амба	96
Формула безвременья	97
Терра-инкогнито (Е. Мельниковой)	98
Динамический натюрморт	99
День рождения	100
Новостройки	101
Люди с телосложением крестов	102
Шквал	103
Сольфеджио	104

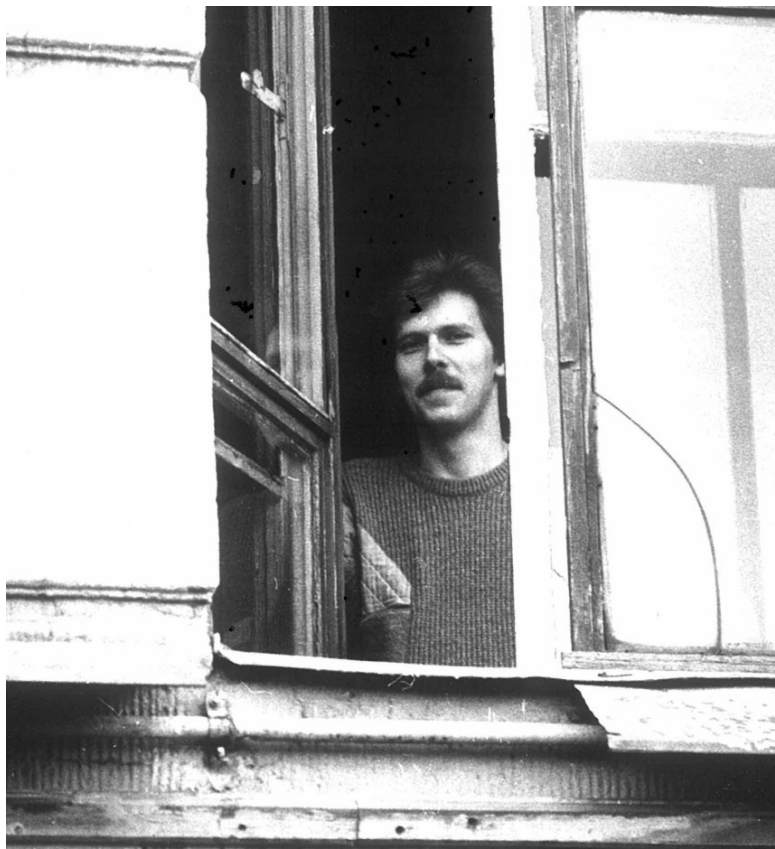
Грусть	105
Муравей	107
И провалиться в жизнь	108
Кукла (С.А. Мельниковой)	110
Ступеньки	111
Из-под ног	112
Соблазн	113
По перестроечным талонам	114
Наложенье шин	115
Осеннее знахарство	116
Из мемуаров о Перестройке	117
День плыл	118
Пейзаж экзекуции	119
Извилины переулки	120
В тихом ужасе	122
Осенний трафарет	123
Эка!логическое	124
Улыбка как шрам	125
Почки	126
Деревья	127
Барельеф галлюцинации	128
Результат мутации	129
Укротитель	130
Стон	132
Муравьи	133
Резолюция одного собрания	134

Камень	135
Воздушный шарик	136
Кобра	139
Одуванчик	140
Улыбка Чеширского кота	143
Песочные часы	144
Титры ветра	147
Отпечаток	148
Экслибрис	151
Море	153
Отражение	156
Равновесие	159
Замочная скважина	162
Готика	163
Черепаша	166
Магнит	169
Бук-во-Куб	170
Крот	171

Андрей Мельников

АЛИЗМ

Комплимент

сквозь ду-дочку
слова
звук
вылетает
и робко витает,
лишенный приюта,
потом
замирает
на кончике ушка
и медленно тает
в ракушке
уюта...

Затишье

ссадины вспышек,
кровоподтеки
плоских витрин,
синяки подворотен
тихими,
четкими
гранями вечера
упорядочены и расчерчены,
а тишина
разлинована звуками
очень бледными,
очень тонкими,
все зановесила сеточкой грусти,
взглядов повисли
ленивые локоны.
Это затишье – как перед бурей
по ту сторону
памяти,
сквозь витражи слезящихся глаз,
вновь застекленных
черною завистью.

Этюд

на короткой ниточке
вздоха,
скомканного в комочек,
как хрустальные узелочки,
серебрятся капельки
пота,
перекатываются по гортани,
заставляя звенеть
голос,
как натянутый тонкий
волос,
застрявший между
зубами,
обрывается на полуслове,
замирает и – снова
в пропасть,
до удушья щемящий
выдох
вдруг захлопнутой
двери,
и тут рождается пение –
холодная острая
мука,

как бритва становится
зрение,
отточена чуткость
слуха.

Звездные стебли смеха

в тот день,
когда в чехарду
играли зеленые
волны,
когда косолапый
краб
клешнями царапал
воздух,
и в теплую синеву
вонзались
с криками чайки,
мне удалось подглядеть,
как ты
вплетаешь в ресницы
звездные стебли
смеха,
льющиеся из глаз.

Дельфин

о, Дельфин –
продолжение
волн!

О, Дельфин,
коронованный
пенной,
подбери меня
в черный
шторм,
я хочу быть твоим
пленным,
мой голос
почти остыл
в бурунах
океанской постели,
я прильну
из последних
сил
к твоему
атласному телу.

Белое лезвие слов

накинул взгляда
петлю,
сузив зрачки,
затянул –
очень хотелось болью
остановить
тишину...
вот и устало
время
стрелки часов
толкать –
облокотилось
на стену,
начало вниз
сползать...
вывернуты наизнанку
острые грани
углов,
к горлу приставлен
воплль
белым лезвием слов...
долго выдавливал
звуки

КОРЯВЫМ ЯЗЫКОМ –
КАК ВЫБИТЫЕ ЗУБЫ,
ВЫПЛЕВЫВАЛ НА
ПОЛ.

Будто ветер пьяный

мне кажется –
день больной –
какой-то он
невменяемый,
то ли глухонемой,
то ли просто
печальный.

Крово-
Излияние
в небо, или в
мозг
после
замыкания
сумасшедших
гроз!
По деревьям
судорога
скачет обезьяной,
на дорогах –
сутолока,
будто ветер
пьяный.

Примитив (по Анри Руссо)

скользкий атлас
листа –
невольный свидетель
драмы:
прыжок
из чащи и –
два
больших наивных
зрачка,
в них еще нет
испуга,
и боль не пронзила
тело,
в них – отражение
джунглей
и искреннее
У Д И В Л Е Н И Е...

Пожар

стоит только
закреть глаза,
как вокруг закружится
дым,
удушающий дым костра –
прорывающийся
нарыв,
в этой едкой
пепельной мгле
хороводом кружится
смех,
обжигающий перепев –
сукровицей на языке,
в оглушающем реве
огня
очень хочется испустить
дикий
воплъ еретика,
запылавшего изнутри.

Анти-Урба

в горле –
комом
грязная пакля тумана,
воздух –
эфиром пропитанный
кляп,
задыхается
в липкой зевоте дурмана
обезумевший город –
волосатый прожорливый
краб.

Крокет

расплавленный
свинец
трассирующих ливней
обрушился на сад,
в котором нет
людей,
есть только беглецы –
сиреневые
тени
осиротелых душ,
играющих
в крокет...

Экспрессионизм (по Отто Диксу)

режущий вопль
экстаза
заживо сожранной
плоти,
лязгают рваные
раны
металлоломом
лохмотьев,
взрыв пулеметной
злости
из амбразуры
глаза,
на каждый оскал
натянут
намордник
противогаза,
стонущие снаряды
из черной кишки
окопа
выпотрошили трупы –
в награду!

Страх

руки коснулись

стены...

вокруг – черноземом

ночь...

– Тише...

– Давай вернемся.

– Пусти.

Пальцы нащупали

дождь.

Он только что

начался.

Страх.

Ожидание

на холодной скамейке
скучает
лед.

Как наклейка кто-то
прилип –
ждет.

Лишь дрожащие пальцы
тихо снуют.

Как слепые скитальцы
в поисках
рук...

Глаза-метро

как два
бикфордова шнура,
с глухим шипеньем мечущих
икру
еще безмолвных
искр,
на ветру
парящие глазницы,
как тоннели,
как чрево выхлопной трубы,
откуда
вырываются со свистом
поезда –
глаза-метро,
и выход на поверхность –
точно взрыв!

Побег

застывшее время.
Вязкий покой.
Размеренно дышат ели.
Ржавеет загаром
на лицах
зной.
Иголками капает зелень.
И солнечных зайчиков
бьется метель,
кружит
по душному саду,
вокруг раздается любви
капель,
голос ее так сладок.
Моргают спицами
велосипед,
зажмутив колеса от солнца,
еще продолжается
наш побег
из плена жарких
эмоций,
а по асфальту шарят глаза –
катятся шарики

ртути,
и онемевшая в трансе нога
педадь скрипучую
крутит...

Дегустации людей

кинжальные жала
осоки
вонзаются в мякоть
дыханья,
впиваются в ноги
осколки
разбитого тенью
сиянья,
а солнце все ниже,
ниже
соскальзывает
с небосклона,
как по наклонной крыше
большого стеклянного
дома.
«Сдирай кожуру заката
с налившихся соком
озер,
пусть брызги
как зерна граната,
пусть мумией тлеет костер!»
Жестоко распороты
чресла –

зияют шрамы аллей,
аппендицит
у леса
от дегустаций людей.

Будь я скульптором

я высек бы из мрамора
снежинку
изящную как голос
невидимки,
но в то же время гордую
как выстрел
и непреклонную
как горный выступ –
такую, чтоб не таяла
в руках,
а оставляла шрамы
на ладонях,
когда хватаешься за лезвие
погони
в попытке вырвать
из рук неба снего-
пад.

Дым из трубы

морозом прихватило
дым
к промерзшему до солнца
небу,
он выползает жирным
негром
из гангренозной
чахнувшей
трубы,
уже блуждая
в непролазных облаках,
он обречен фатально разлагаться –
метель, как перегар
кремаций
разносит горький черный
прах.

Терновый венец

спеленуты смятеньем,
неподвижны,
опущены, будто в кости
свинец,
с презреньем отвергают
даже звуки
твои руки –
терновый мой венец,
но ссора –
сорван с головы...
в груди сомкнулась
пустота,
внезапный заворот
дыханья,
и словно знаки
препинанья,
на ватмане лица –
глаза,
а там, где пальцев
острые шипы
питали кожу нежной
болью,
как родинки темнеют

капли крови
на фоне
полумертвой тишины.

Венеция (У.М. Тернер)

Венеция!
Ты утопаешь
в солнце,
вода каналов плавится
в огне,
из рам, как из глазниц,
уж вытекли оконца –
с шипеньем брызги тают
на стекле,
незрячий город
весь трепещет,
лишь осязанием живет...
вот дунул ветер –
воздух – мед,
из сотен тюбиков добытый,
чуть резче
отражений привидений
дрожит, дробится
и поет...

Натюрморт

бутылка кубистически распята,
сквозь горлышко
просвечивает нож,
на бледную истерзанную
скатерть
свалились тени, как обрезки
кож –
топор-щатся в последних корчах,
будто на плахе, залитой
прокисшим кетчупом...
испорчен
воскресный день – так
называемый выходной,
и у да-
масской прочности предметов
предательство изменчивого света
скрытым текстом...
Врожденные рефлексy –
бить копьём под сердце,
под ребро,
ло-снят-ся блики на стекле,
как после ливня.
Ночь – на заднем плане,

гора-
здо ближе тени чьих-то рук,
будто несущих тело –
воскресать...

Графика

Графика –
скальпелем карандаша
хирургическое вмешательство
в бездыханную грудь
листа.
Неизбежная и безжалостная
пересадка, вживание
сердца –
рассеченная белизна,
не отторгни его,
не отторгни!
Оживи, хладнокровная
ткань,
запульсируйте вены, аорта
набухающих линий,
стань,
как мускул упругим
объем,
капилляры штриховки, дышите,
повторяя вздохами
форму.
Графика –
имплантация страсти

в проем
между ребрами, пробуждение
от бездушия хлоро-
форма.

Ускользящий

и лишь шелест листьев
вослед –
ускользающий,
ускользающий...
ответ-
вления дерзкий побег,
ускользающий,
ускользаю...
он змеится соблазном на...
ускользающий,
ускольза...
бедный разум ужалит боль –
ускользающий,
усколь...
но яблоко все-таки отку...
ускользающий,
у...
сил больше нет держаться за
Рай,
ускользающий...

Любительский фотоснимок

кустарник колет объектив –
так близко...
резкость навести
на лица –
шаг назад...
все замерли. Не дышим.
Вот так фокус –
как укус ослицы,
упрямо клац-
нул рыча-
жок...
жара. Мы в кадр валимся
без ног –
позировали до седьмого
фото,
уже никто и никому
не рад.
Будь другом! Спрячь подальше
свой жуткий пото-
аппарат!

Ерш

холодное лезвие
света
с неба метнула луна –
из-за
порыва ветра
вспорото брюхо пруда –
кесарево сечение,
в аксонометрии нож –
и в иссту-пленном
свечении
вспыхнул над волнами
ерш!

В поезде

напротив – отражение
мое,

а сквозь него

проносятся, мелькают
столбы, столбы, столбы,

и проводов лассо

захлестывает горло –

задыхаюсь,

как будто каюсь,

в чем?

Не в том ли, что прошло

так много времени,

а я еще рождаюсь,

что сквозь меня,

как сквозь стекло,

навылет исчезают:

опушки леса,

лица на перронах,

что я – окно,

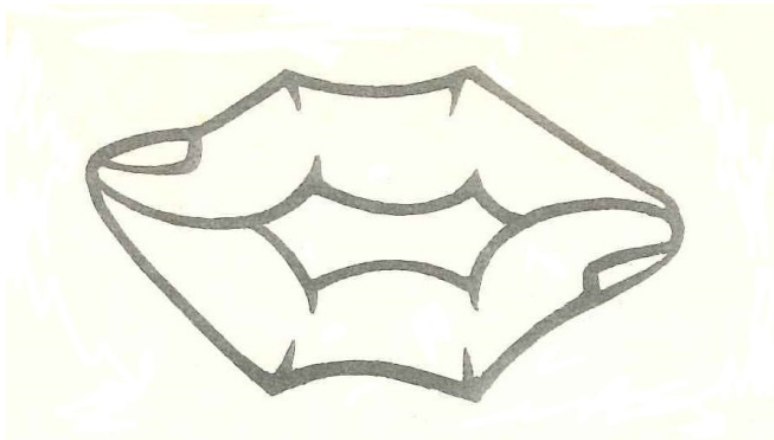
и не могу остановить

токсичную мозаику мгновений...

и лают

шпалы, шпалы, шпалы,

я с рельс хочу сойти
сейчас!
Без расписаний
и вокзалов.

Вместо эпитафии

спустить
курок –
и дуло задымиться,
как окурок,
стряхнуть лишь пепел –
вот и весь
урок
из жизни одного
из урок.

Наводнебье

проекция
отточенной иглы
инъекцией
вонзается под кожу –
похожий
на блестящий шприц,
шпиль
отражен и
колет, колет воду!
Его низверженная высь
летит, летит
в поверженное небо,
на нем
как аллергия всплески
брызг
после прививки.
Наводнебье!

Брейк-стих

брейк-пульс в брейк-путь
по шпалам па –
сплошной брейк-данс, а голова –
брык в транс, как маятник –
«тик-так, тик-так» -
отсчитывает танца такт,
тик-такт, тик-такт,
рука – заклинивший рычаг,
рыча, колёнки гнутся так,
что каждый шаг – электрошок –
бит ритм током бьёт в висок,
танцорам по благу по брейк-
циферблату
какой-то стрелочник –
часовщик
составы с уставов загнал
в ту-пик...
час бубен, час пик звенит
перекрестьем колёсо-секунд,
закончился пороженный рейс –
конвульсий страшный
суд –
по роже рельсом –

суд –
о-рога!

За-точка зрения

при каждом шаге
в раз-
резе юбки
с изяществом складного
ножика,
как ампутация рассудка,
твоя отточенная
ножка
строгает тень
на тротуар –
сосредо-
точенно строга,
и словно солнечный
удар,
в моем мозгу о ней
строка!

Пинг-понг

пинг-понг, пинг-понг, ринг рук, свинг ног,
белых молний гонка –
в стол укол, отс-кок, как гонг, слова клок, слог в пол –
сыгран поток сознания.
Вздох – ракетки взмах и –
стол стал плахой,
рухнул в пух и прах игрок (любой игры рок)
сдох –
минута молчания – смена подач.
Удар и снова –
спор-отскок, укор, упрек, упруг как плуг –
от камня – искры,
траектория мысли – разорванный круг,
заземленный пружиной взлета.
Последнее очко – вот цель, вот точка.
Резак –
и криком взвился шарик –
целлулоидное «О-О-О!»

Натюрморт с чугунным котлом и свечкой

то-пот под-ков,
как от топ-ки пот –
Это гунны! Это гунны!
Из ночной руды
Рас-ка-ленный гул –
Это гунны! Это гунны!
Под ударами копий
рас-
колот котел –
Это гунны! Это гунны!
Оживает барельефами чу-
гун –
Это гунны! Это гунны
грудью прут на штурм!
А рядом бес-печная свечка
язык показывает вечности.

Коктебель

ос-
трый свет
роем ос в глаза
вон-
зается, вон-
зается,
каждый з-рачок черен от жал –
обуг-лен, об-углен –
в глазах пожар!
За-
точен взгляд об угол
зрения –
я обвожу глазами, как стерео-карандашом
склоны Хамелеона, седой шум волн,
а линию, чтобы не разошлась
швом,
завязываю на Солнце –
тугим пуповым
узлом.

Цыпленок

сквозь

скор-лупу

про-свечи-вает,

увели-чиваясь, увели-ч-ива-ясь

до хрустящих трещ-инок в подсознании,

обжигая вос-ком белка про-кур-енные мо-зги,

до-вод-я их до востор-жен-н-ого иссту-плен-и-я...

солнце

желтым цы-плен-ком

вы-лупи-лось

из яйца!

Демонстрация

сегодня праздник –
парад-алле!
Алеют аллеи в огне...
транспарантов –
идут демон-странты, идут демо-нстранты!
Ожившей мозаикой шарики,
шарики!
Ботинки и туфли уютжат лужи,
все шутки – наружу,
из громко-гово-рителя
наста-
вительно: «Да здравствует Дружба!»
музыка – туш духового оркестра:
«Уж лужи из туши, уж лужи из туши!»
горящие уши тушит и тушит,
горные реки маршей
обрушив,
даже дождь заговорил –
сначала шепотом, потом все громче –
раскрылись зонтики как крыши «Ша-пи-то»,
гром чихнул! Молния!
В небе – транспаранты облаков,
но

какие на них лозунги
отсюда плохо
видно...

Выход в море

в море отчалил, отчалил!
Бухта уха-ет как кра-
тер,
корабль нач-ал от-чая-нно
форштевнем рвать
фар-ва-тер,
каждый пар-ус – как би-
цеп-с
на-пряж-енно упруг,
мач-ты в ве-тер в-цеп-ились
с оже-сто-ченностью
рук!

Звуки дня

тяжелое паденье листьев,
их желтый монотонный ритм
перерастает в острый приступ...
и воздух в легких – словно
свинг,
импро-визируют деревья,
и каждый лист –
как Ференц Лист,
неистов до самозабвения,
ликует несмотря на риск,
со свистом увлекаясь
вниз
в велико-лепье ос-ле-плен-ья...
но вечер близко, уже близко –
Адмиралтейская игла
воспроизводит звуки дня
с заезженного золотого диска...

В.А. Сосноре

на-громо-жденье гулких
слов,
ка-мено-лом-ня – вместо
слуха,
шаль-ная ис-кра из грани-
та
и пыл-ьный пан-
цырь ры-
царского лба!

Земля

«З-З!» –

ем – лязг зубов,

они – как лемехи

всп-ахали

жирный чернозем букв:

«З-Е-М-Л-Я!»

Вода (читать под водой по телефону)

В-в! –

«О-О-О-О...» –

Пускаю пузыри,

О, да!

Вода – аж дважды ода:

Жизни

и...

Воздух

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

ВОЗДУХ!

В... Во! – Воз – Дух... Ух! – Дышите глубже!!!

Огонь (Сжигание Красного коня)

загнанный в хвост и в гриву, ревет и
хрипит огонь, погонь азарт ше-
лудивый... пылающий Кра-
сный конь... тара-
щит глаза
из ор-
бит... жар раскаленных под-
ков... цокот... пытка
копыт... не путь
– а путы
оков.

Чека-нный профиль огня
вращает яблоком –
спелым, слепым.

Эхо ржанья.

Зола. Чер-
ный д-
ым.

Урок пения

ощути
в сле-пой пустоте
летающим литым плечом
обжигающий стержень
ветра,
скуляющий истертым пес-
ком.
Слышишь?
Гром –
как рас-треска-нный рот-ор
дыхания! –
пой!

Кузнечик

звенит пронзительно
кузнечик,
весьма подкованный в ночи,
его пр-ужин-истое эхо
весомо цокает в крови.
Покатые глаза –
литавры
сжигают бархатные травы
огнем азартно
вздыбленных зрачков.
Усами водит смело,
рьяно –
словно поводьями! –
О, кей –
В зеленой бронзе памятник...
Взгляните –
застыл восторженно
жокей!

С выражением ветра

... я лежал –
Стремительный, ст-рой-ный! –
как каса-тельная
к Земному
шару! –
человек с выражением
ветра,
застывшим на узком
лице...

Когда же?

даже подсолнух
вытянулся
во весь свой о-гром-ный
рост...
и напряженно дрожал,
подняв, как гончая
желтые ле-пес-тки ушей –
когда же, когда
же?

Ворвется ночь

из ручки – ручеек чер-Нил:
изв-ивы, пово-роты, мели,
слова мелькают словно ели,
вгрызаясь в берег
из последних сил –
корнями...
а в яме долго-вой
после па-день-я – только
брызги,
как розги
хлещут по лицу,
и чей-то крик «Полиция! –
наручники на ручки!» –
и точно в заточении
петляет почерк по листу,
расчерченному в жил-истую
клетку,
и фраза, скрещиваясь с ней,
рождает враз горю-чую слезу,
и ветер, слизывая гребень,
толкает языком вол-ну,
накатываясь рокотом картавым...
стекляной кляксой

глаз сползет
к перу,
вор-вется ночь,
выдавливая окна...

Глаз лягушки

твой возглас то ли
удивленья, то ли
гнева
напоминает выпуклый
глаз лягушки –
с таким же квакающим
акцентом,
словно цитируя,
ты взываешь: «Хва-тит!
Хва-тит!»
Но поче-му? Поче-му?

Когда вопрос ребром

Поэзия!

Вонзай в вок-залы поез-да
об-угленных, еще горячих
ст-рок,
клубящихся в чернильной
саже,
как саженцы
вгрызайтесь в землю буквы,
дрожи, дрожи перро-н
от лязга слов,
от клацанья колес,
от страха
за разбитый сон,
когда вопрос реб-ром,
как вы-гну-тая
шп-ала...

Телеграмма

Б. Ум. Бум. Умер. Мера. Ран. Ранг.

Краб

клешни у краба
рос-кошно рас-клешены!
В ссоре
ведет он себя, как бок-
сер –
бо-ком, б-очком, слегка
притан-цо-вывая,
держит ди-станцию, дерзок,
хитер!
Му-скулы – пан-цирь!
Глаза жгут
огнем,
гневно следя за дырявым
сачком...

День рождения Божьей коровки

столкнул слова:

одно – из выси,

другое же –

из самой преисподней строк,

их плоскими висками

искру высек –

наше вам с кис-точкой

(вместо хвоста) –

вот и она –

Божья коровка!

Колокол

как собака колокол
лает,
как собака тоскливо скулит –
колоко-лает, колоко-лает,
то высовывая, то
глота
на ветру свой опухший
язык,
с клоко-танием из-рыгает
к-ляп! –
как нако-пленную злость,
от оков немоты отвыкая,
лязг! –
в конву-льсиях воздух
глодает,
как застрявшую в горле
кость!

В присядке гопака

в моих руках...
холодный лоб заката!
В глазах, как в гильзах –
кап-сюли зрачков!
Раз-рывы звезд
над свергнутом за горизонт
солд-атом,
тяжелый бой ча-сов
с нависшей ненавистой
тишиной...
когда сигают в ужасе
осколки,
когда кукушка хвалит
петуха –
стеклянные ладони окон
будут звонки,
пока зашелся дождь
в присядке го-
па-ка!

Пластилин

и пластилиновая линия
твоих воистину
лиловых
губ!
Убийственно бледнеет –
словно лилия
овал лица –
как поцелуя сжатый круг,
и лоб, изборожденный
как пластинка,
и в нем
застрявшая игла
на ноте «ля»!
и танца стиль – а-ля подстилка!
Стиль жизни – ил
Иль дня, иль дна.
Для ласки – руки
гибкие, как ласты,
объятая – липкий пластилин,
и голос обнаженный,
мягкий,
податливый, как
вечный

COH...

Фаза Шивы

в игольное ушко
нашептывает шелковая нитка:
«Что ткань зашить? – Подумаешь,
ведь мы же заодно!
Ты – гордая блистательная
сталь,
а я – услужливо-послушная
кокетка!»
И лишь рука
безмолвно в воздухе мелькает,
и каждое движение
(стоп-кадр!) –
словно фаза
Шивы!

Мемуары кота

пол-ура-скрытой книгой –
крыша,
шуршит страницами
чердак,
с изяществом летучей
мышь
пищит перо и пишет,
пишет
свои помет-ки на полях:
что
звезд на небе – кот
наплакал,
что печки топят, как
котят,
но дыму до кадила –
далеко,
что хвост – трубой,
притом такой,
что все его хотят,
что облака покрыты
лаком –
блестят, как в блюдце
молоко!

Сверчок

и сверлит, сверлит ночь
сверчок,
и звезды падают, как
стружки,
окалиной мерцают брюшки
у околевших светлячков...
и сверлит, сверлит ночь
сверчок,
свершая грустные поминки,
как путешествие по
минам
замедленных дыханьем
слов...

Проталины букв

И вот! –

На листе про-ступают
п-рота-лины букв.

Не в этом ли
таинство таянья снега?

Как дивно! –

Весна отпеча-тала шаг на снегу –
Как с нега-тива!

Шир-око-форматный экран –
вместо черного неба,
учтиво журчат по нему ручьи
журавлей!

Солнце – как выстрел –
«Пух!» – и перья парят над
бумагой,
сбитой влет и отпетой
до белого пара.

Вот – ус-талый капает с купола
лед –

как зас-луже-нный пот
с самовара!

Пробуждение вод –
на листе п-рост-упают п-рот-алины

букв...

Траектория букв

Беспамятство стен.

Десятичные дроби.

Страх

ошибиться в опре-деленьи порядка.

Черные окна – словно эк-раны

потухших дисплеев в облү-

пленных рамах,

как в пери-оде тянутся по фас-аду.

Ночь

приближается по траектории

камня.

Ты отважно печатаешь: «Шаг!» –

по гулким клавишам, как

по брусчатке.

Траектория букв – тоже путь!

Опечатки? – они для незрячих!

Иногда выходи

из себя –

как сустав, когда его выво-

рачивают.

Гласность

- А?
- Е-е!
- Ё...
- И:
- О-о-о...
- У-у!
- Ы?
- Э-э-э...
- Ю?
- Я!

Согласие (Консенсус)

- Б...
- В...
- Г...
- Д...
- Й...
- Ж...
- З...
- К...
- Л...
- М...
- Н...
- П...
- Р...
- С...
- Т...
- Ф...
- Х...
- Ц...
- Ч...
- Ш...
- Щ...

Точка

Ветер стих.
И рифм косые паруса
поникли.
Блестящих строк
натруженные струги
скользят,
легко покачиваясь
вниз по течению мысли...
а за кормою прямо по пятам,
словно голодные,
дрейфуют многоточья, запятые:
одни – под видом скромных
стружек,
другие с-тонут от натуги:
«Бур-лак-и-и...»,
а третьи утверждают:
«Знаки свыше!»,
за ними – точка
зевает как водо-во-
рот.

Дерево познания

А-дам!

Глазное яблоко,
надк-ушенное Е-
вой.

По стойке «смирно» -
Райский С-ад,
а там – муштра:
на месте листья маршируют
«Левой! Левой!»

Что им жара?

Когда вместо прожилок –
набухают водяные знаки,
и будто лаком
сверкает потная змея.

Корнями, ветками, своим зеленым
ртом
хватает воздух дерево
познания,
осенний месяц, как серпом,
скосил траву –
ниц пала,
зубами лязгнув, словно дав
блиц-интервью...

и ветер св-ищет
своего ветеринара...

На красной нити

Небо!

Мне больно смотреть на тебя...

Воздух!

Ты стал слезоточивым газом...

О! Огнестрельная ст-
рана!

Закрывать глаза,
чтобы не видеть этой мерт-
вой тьмы?

Начать распутывать у-
злы

на красной нити...
крови?

Д-амба

по дну залива скребут
со скрипом! –
словно круги
абразивных тяжелых колес
ленивые водовороты,
на загравках их –
искры! – ще-тиной!
Наводнение! Защити нас!
Ржавых волн живые ножи
бьются в приступе шизо-
френии...
А вы
еще не ощутили
нервную дрожь Невской
губы?
Мне бы...
Смотрите – над нами бледнеет
небо –
смирительной рубашкой...

Формула безвременья

и день
за днем... и день
за днем –
одинаковые, одинаковые –
словно листки
бумаги
из-под копи-
рок но-чей...

Терра-инкогнито (Е. Мельниковой)

Мы –
забытые вещи сны
под подушкой...
пружинистой лапы пантеры...
вот –
отточенный коготь луны
выпущен из заточения...
тьмы
дыбом вставшая шерсть,
в ней
электрических искр огни!
Крошится листьев ржавая
жесть –
это кровная месть
мертвой воды...
твои зрачки, расширяясь,
сливаются с ночью,
на нашем пути –
небо –
как терра-инк-огни-то...

Динамический натюрморт

кори-доры –

к-рыл-ья по-греб-ов!

Спи-на...

Ак-вари-ум.

Тар-ел-ка.

Чешу-я –

пари-к ле-туч-ей рыбы.

Под ними:

тру-тьень,

би-гуди,

как пе-пел оки-сел

на них.

Руби-н!

Г-рань из-умру-

да!

День рождения

великий бес-конечный день –
не день – а днище...
корабля! –
нависшая стальная тень
над обреченным водолазом,
он ищет, ищет
выход...
из себя –
сварные швы перед глазами
пульсируют, как вены
на висках,
и скулы ржавые исходят
желваками...
одно
я знаю точно –
как камень он пойдет
на дно –
дредноут, торпедированный
ночью.

Новостройки

а вокруг – цитадели домов –
как цитаты из средне-
вековья –
узких окон бойницы,
уколы углов,
осажденных «природой»
суровые лица...
рвы наполнены черной водой,
«волчьи» ямы зияют
зевотой,
поле битвы еще пустынно,
но вот-вот
ты услышишь вопль...

Люди с телосложением крестов

корни извлекать
из с-лов,
женщин сравнивать
с жень-шенем,
воз-вод-ить в сте-пень
мишеней:
крыс, мы-шей, шор-ох
шин-елей...
акку-ратный вз-вод
кур-ков.
Выстрел – мин-ус! (из ч-рева
веков) –
воз-дух вычер-кнут –
нечем дышать,
за-клин-ание слы-шишь? –
«Ать!» –
про-должают мар-широ-
вать
люди с тело-сло-жением
крестов...

Шквал

озверев, ревут де-
ревья,
клёны лупят трёхп-алыми
лапами,
по лицу – поцелуи пре-
зрения
полы-хают, плаваются
лампами,
ветер вертится, словно
на вер-теле –
жар-кий, жалящий, чуть
живой,
и рас-пахну-той пастью
приветствую,
издает от вращения
вой!

Сольфеджио

ДО – ждь

РЕ – ет:

МИ – мо,

ФА – лды

СОЛЬ – но

ЛЯ – згая

СИ – яют...

СИ – плы

ЛЯ – сы:

СОЛЬ – на

ФА – кси-

МИ – льных

РЕ – льсах

ДО – лга...

Грусть

каждая буква – как
по-звонок –
ноет,
зовет в новый поход,
слегка пох-рус-тывая под
мертвым грузом
при-стального взг-ляда...
а в ку-зов лезет, лезет
грусть,
и стих везет ее –
везет же!
Ну и пусть!
И то ли правду, то ли
бред
хрипит он, будто перебит
хребет...

Муравей

замурованный в желтый
зной,
как в янтарь,
лежа
на жарком песке...
с грацией скомканного
насекомого,
восхищаюсь тому,
как по моей руке
весело и легко
бежит м-ура-
вей...

И провалиться в жизнь

Какое счастье! – Вот сейчас,
закрыв глаза, поставить точку.
Но – отказаться, передумать,
все начать сначала –
от берега утро-бного отчалить,
как в омут, окунуться с головой
в бездонную дневную даль,
неся себя, как дань
по саблезубым волнам океана,
аукнуться в холодной глубине
подобно телу гулкому акулы,
ликуя, отразиться в небе
легким бликом чайки,
и падать, падать, споты-каясь
о мраморные глыбы облаков,
скрываясь как на карнавале –
под масками осенних листьев,
как падают чайники в медном чае...
Навылет! – Разгромив стакан,
и на салфетке, как на унесенной
ветром льдине,
зиять проталинами черных дыр
среди мерцающих созвездий

сахарных песч-инок,
и провалиться в жизнь – по горло,
по макушку (но не сразу, но не сразу!),
пуская слов гранитных п-уз-ыри...

Кукла (С.А. Мельниковой)

ку-кла кла-нялась:

«Спасибо!»:

за игру, за смех, за ласку,

за прическу, за коляску,

за языческую

пляску,

за песочные часы...

ку-кла кла-нялась:

«Спаси...»

Ступеньки

как дата

лес-тница...

теперь –

о-дни

сту-

пеньки...

Из-под ног

Перекрестки. Тротуары. Сжаты
рты.

Топот толп. Как мозоли водяные –
мосты.

Свист листвы. Резь сирен. Визг
колес.

Скрип реки. Крен дождя. Рокот
гроз.

Остановись, прислушайся –
Земля!

Тихо-тихо... уходит
из-под ног.

Соблазн

в час пик,
доспехов, алебард,
когда всем некогда
и никому нет дела
ни до кого,
и каждый добивается успеха
в одиночку
(не то чтоб ночью),
а когда в ломбард
сдан день,
и остается только выку-пить его
вместе с возможностью
жить дальше,
и в то же время – и не позже,
и не ран-ьше
возникает соблазн
обнять весь Белый Свет,
хотя и может стать чуть-чуть
темнее –
ну, скажем, как...
в последний день Помпеи...

По перестроечным талонам

вокруг – рези-новая грязь,
вокруг – хруст ребер
из-под
рухнувшей надс-тройки,
фунда-мент стянут паути-ной
трещин,
которые плетет паук
с научной кличкой «время»,
вокруг такие происходят
вещи,
которые понятны только
дуракам,
стоящим раком в позе
страуса,
зарывшим голову в песок,
удачно отоваренный по
перестроечным
талонам...

Наложенье шин

по ск-лону неба –
горно-стай облаков
струят тела в летучем русле
бега,
крис-таллы стали про-растают
в шерсти снега
с ту-пой фата-льностью заро-
ды-шей оков...
они обва-лом – с голово-
кружительных вершин
обрушились на голые равнины
с гипнозом ги-пса для суставов
Флоры, Артемиды...
Зима, как белый самосвал,
уже вершит
на землю наложенье шин...

Осеннее знахарство

Осень.

Побеги огня

от ствола, от прицела,

целебные свойства корней октября –

сквозняк от прививок –

инъекций свинца:

навылет, душа!

В землю, брренное

тело...

Из мемуаров о Перестройке

...и еще –
порой начинало казаться,
что мы живем...
когда страну,
как самую последнюю...
строку,
уже не сдвинуть
с мертвой
точки.

День плыл

клубилось облаками
небо...
лишь пепел –
там, где был когда-то горизонт...
день плыл,
как звук испорченного старого ма-
гнитофона:
«...его захлестывали волны...
его захлестывали во...
его...»

Пейзаж экзекуции

ветер – плетью:

«Небо! Небо!» – в солнечное спле-

тени-е

бьет наотмашь, от души –

вплоть до пос-инения!

А на черной холодной земле,

будто выбитые зубы,

разб-роса-н

гр-ад,

отбивший почки у деревьев...

Извилины переулки

дыха...

дыхание, спрессованное в кол,

шершавый шепот расширяет

горло,

как шомпол,

потрошачий ствол,

сдирает коготь, гарь, изжогу

чужого голоса,

и ты уже не разберешь –

где косолапый смех

и ложь,

а где – нагроможденье стона...

шаги, шаги, шаги

в глухом колодце, будто ка-пли,

гулки,

и воплощенный в площадь

ВД-ОХ

вот-вот затмит

извилины переулки...

В тихом ужасе

весь день рас-тачать
улыбки,
утю-жить, примеривать,
шить,
кроить, говорить дамам:
«Рыбки!»
и гипнотизировать нить,
дойти до ручки...
двери,
и почувствовав г-олово-круже-ние,
уснуть в пол-ном изне-мо-
жении...
Поутру же,
проснувшись,
в тихом ужасе слушать, слушать,
как на улице
с влажным шуршанием
по швам рас-пол-зается дождь...

Осенний трафарет

петля затягивалась туже,
туже,
язык висел, аляя, словно
стяг,
в глазницах стыл тяжелой стужей
ужас,
и оставалось лишь гадать
на собственных
костях...
куда ни кинь –
получишь очертания
скелета,
куда ни глянь –
езде увидишь свой
портрет –
на радиоактивном фоне
лета –
обугленный осенний
трафарет...

Эка!логическое

пля-шут ка-пли...

голый пляж...

шо-

пот крыш...

от тяжелой жизни

у ст-волов форма г-рыж!

Мутный в-сор у му!

тантов лысых сов...

взять во-рот: «А!» -

врезать в небо

и зак-рыть

всю пла-нету на здоровый

засов...

Улыбка как шрам

эта ночь разъедает
бумагу,
электрический свет –
как бальзам...
как мозольную жидкость
отраву –
мавзолейную желтую
брагу
пьют воронки от взрывов –
глаза,
растекается в теле истома,
опускаются руки
по швам,
сладкой патокой, липким
комом –
тромбом в горле дыхание! –
Кома!
И змеится улыбка
как шрам...

Почки

А вокруг –
истуканом стоит
стук –
это падают почки...
камни в них
что ли?

Деревья

блаженно шевелятся черви
в черном чреве
земли –
словно извилины в черепе,
словно звезды
в ночи,
птицы царствуют в выси,
касаясь крыльями
туч,
тени их – словно крысы
мелькают среди
мусорных
куч...
а деревья! –
деревья, штурмуют небо,
корнями вгрызаются
в землю!

Барельеф галлюцинации

гип-нотизируя мра-мор лис-та
по сле-дам босых ног
как по но-там
про-честь либретто
иск-опаемого бр-еда:
грохот дикой охоты
хр-уст игральных костей
вой г-раж-данской вой-ны
в ту-пике лабиринта
из-вил-ин спинного мо-зга
зона озн-оба
виб-рация резаных ран
ос-стрые грани дождя
поло-сну-вши-е сонную землю
эхо х-охота
мер-твая х-ватка гиен
их желтые зубы
как фраг-мент бар-ель-ефа
галлюци-нации...

Результат мутации

мутация...

месть времен,

прост-рация вместо про-стран-ства,

сон-м колю-чих и ос-лепи-тельных

капель дождя,

напо-мина-ющих скальп-ели в небе,

конная армия, кон-ура,

са-лютом – цепная реакция пса,

над ним –

с-вече-ние нимба,

в четвертом к-олене

уже прощу-пывается ур-од

со всеми изъянами сучьей

и кор-не-вой обезьяны

пос-лед-ней вспышкой ляз-гнул

день –

как результат мутации

вселенной...

Укротитель

лыс

словно хлыст –

летающий, тяжкий, тощий

с оттяжкой, с мрачной мощью

впивающийся

в пол,

в одной руке, пульсируя, повис

(затих его крысиный

визг),

в другой –

горящий обруч

вылизывает похотливо мрак

ангинными сухими языками,

по грязным стенам

ползут контуженные тени

(словно их замучил зуд),

стальные, с матовым отливом

(столь милым сердцу укротителя)

гремят команды:

«Ну!

Ну, прыгай же, безмозглый

скот!» –

щелчок бича, еще щелчок!

Прижавшийся от страха к полу,
исходит мелкой дрожью
по-лужи-вой
крот...

Стон

вот-кнут в асф-альт
арматурой
дождь,
ржавчина желчи стекает
в люк,
желе-зо-бе-тонный туман
глух
к зеленым воп-росам
втоптаных
трав,
чем выше руки над головой,
тем больше похож ты
на толовый
столб,
на сваю, на идола, на... стон
среди разбитых античных
колонн...

Муравьи

горя-чая го-речь во рту,
в мозгу – откровения крови –
я веки, как руки раскрою –
увиджу в объятьях страну –
как кару – стволом с корою:
в расщелинах – Мир. Муравьи
на стройку спешат пешим
строим...
плотины или плоты? –
и строят, и строят, и строят...
защита от ветра – стебли травы...
Все – равны!
От солнца – в коричневой толще
коры
сырые глубокие ровные рвы
и роют, и роют,
и роют...

Резолюция одного собрания

Лучшие сыны нации!
Исходя из того, что курс
вдруг обернулся кур-сивом,
а моря – помарками
на игральной карте мира,
конечный пункт назначения
в связи со стальным отливом,
определяется ныне
только правилами пунктуации,
а так как от диалектики
остались одни диалекты,
а вместо идеологии –
лишь матерные диалоги,
считать построение жизни
на отдельно взятой планете
нецелесообразным
(по соображениям логики)

Камень

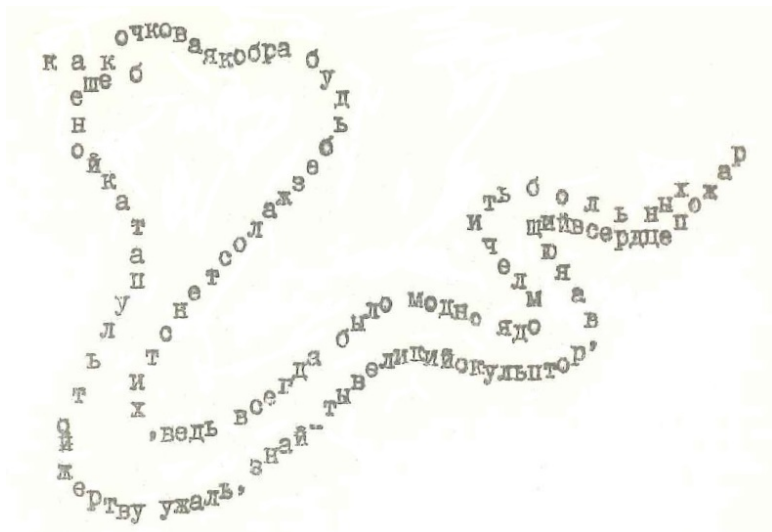
и
и
л
д
к
в
ь
о
ч
б
р
о
н
о
к
у
к
и
р
с
в
т
о
н
о
к
у
к
г
г
а
у
я
а
к
б
р
о
н
о
к
у
к
у
з
в
р
р
т
Камень,
ш
п
е
я
р
г
р
й
е
п
н
н
н
о
ж
н
и
и
у
р
н
з
г
п
н
н
н
п
ж
н
и
и
у
р
н
з
г
п
н
н
н
п
ж
н
и
и
у
к
р
н
у
в
н
к
у
к
б
о
н
и
и
г

Воздушный шарик

воз

душный шарик с легкой душой, от вас не
скрывает, гелий-душа, под музыку ветра танцует, танцует,
в рай возносящаяся слеза, бьются стихи в утренней
прозрачности, рвутся в пустую холодную высь,
в день рождения невесомости их
не удержит да
же
м

Кобра

Одуванчик

Д а ж

е не

л

н

д

н е о

у ва

н

и

в л и

н и е

н

в

е

ч и к

п о д

я

м

е

с о м

к а к

н

м

р

ости,

десант

ики-авто

атчики па

ашютами реют

в воздухе, эти ма

ленькие камикадзе

собой минируют в

емлю - через год

флёрдоранжем

лето,

п

о

д

о

р

в

Улыбка Чеширского кота

Внебужмьяетсяялуна, как

улыбка чеширского

гоко

та, позови её тихо "ки
с-кис" и поймаешь оноп

луны их брызгэ то за-
луны хзуборзаструятся спышны хусов

Песочные часы

о прокинутое время

-

н

а

у

т

е

к

,

тихимшелестом

эховушах,ск

воззатын

утыйнаг

орлеу

зел

о

к

о

п а з

м

а

т

и

ч

е

с

к

исып

е

т ся прахи

р

астетуменя

н

аглазахизпеска

п

ирамида Хеопса исту

ч

ат как раб в кандалах ж

е

рнова из чистого солнца, п

еремолотазноемпорциявековых

породистых скал, а теперь как слов

есная функция ввесотных часах обвал

Титры ветра

А
лес
все ше - лес - тит -
оше - лом - лен,
оше - лом - лен
какой - то страшной
вестью -
как губы, пере -
пуганные
листья
дрожат,
дрожат,
дрожат,
читая
титры
ветра.

Отпечаток

наблюдной спиной
четкая улыбка, кто-то надрывно
крика память свою листал, веле пропасть
биринтахи топких, како моль тупиках в хла-
ный щемящий страх вонзается ржаво борит в неза-
просылаюськвозьситолет, спотыкарь твою п-
домлица "только обьне заблудиться!" стучи в
голове, как орел, запятми дрожат повороты,
между строк важлишь фонари-это повороты,
калаогни, как кипищу в ясь в кризис расплес-
светом слезятся глаза, жарил в зеркалах
одинока утиной за, а соло гя стачок
ах, как жаль, что так растерянно-
Перчаток, когда я был без
за этот листок!

Экслибрис

ИЗ КНИГ ВЪ П
РАЮ ТРЕБРАСОТ
КЮТРЕБРАСОТ
Р, ПОТЕРТЛЕ
, ОБТОМ ПЕРРЕП
ЕОКНИГАМЕРО
СЛИМЕНАДУСТРА
ХОЛОД ПУСТО

Mope

Шторм. Море вост, ветер гонит табуны, захлеб
голос, тонет, весь закованный в стехи, в гоним
влекоте прибора, как степные востехи, в гоним
бешенно-неровным строем востехи, в гоним
ны, волны в мыле от скачки, гривы востехи, в гоним
бегн, озвучен в порыве горячки востехи, в гоним
острые груди скалы. Море нельзя прочесть, в гоним
окучая на берегу - брызги - Разбитые фразы,
пенные всплески строк, сквозь ха

отголосков волн не слышать
слов...

Отражение

•
•
•
О
Н

посмотрел в зеркало

Н
О
•
•
•

Равновесие

как же у
жасн

о скучно х
ить по ть
рдой зе
е, вы п
обуй
уч
ро й
по н а тяну
е чева - пусть мы шцы за
пляшут в фокстроте, п
усть в но ги канат вопьется

о д
е
мл
опр
тел
ше п
тись
той о

-главный нерв
к анатоходца, пу
сть руки дириж
пру ют усилия
м пр одержать
ся, не упасть
,дой ти, к

удач е д
ойт и
не крадучис ь

, с поднятой г
на мес оловой, но
смо й те не с той-

ло й, тол сти с
с гда о ько т
ш ь по шутн
рав нов
ес не

лько т
да, ко г д
а вс п омнись
, чт о после пад
ень я- ты месиво, впроче
м, пот
ер яр
а в
н о

в
еси

...это спасение от равнодушия...

Замочная скважина

П
ост
весно
йстенен
ебоскреба
, зацепляясь
лильза, замикр
онныпорыстекла
-кверши не, квер
шине, квер шине, изпо
дпальцевк рошатсясл
ова-подде ржитемня
, поддежи те, поддер
жите, крючкизапятах, неоставь
тенадеждноготочья, есливдруго

станусьвживых-отольквасизбронзы-
точно! Апокалишь-скреже тзубов, скаждой
строчкойвозвратназадотменяется-поздно! П
оздно! Иввершинузановойвзгядупрямовонзается.

Поэт, как замочная скважина-всегда в ожиданьи Ключа!

Готика

и

кам

бла

со

арит

ифмов п

камень р

и о, чудо -

и высотой,

ей, он отточе

небом и земл

ак спор между

яростно летит, к

Черепаша

Вс
еп
ол
зе

ск	т.	..	ра	
йп	ал	ен	ны	
	ес	ок	пу	ст

ынь... всеползет... вопрошающийшепотве
тра... всеползет... воспалин, затекаетя

зы	к.	..	вс	еп
ол	зе	т.	..	вс
ух	ом	го	рл	е-

мираответа... всеползет... потзноязойли
выхлинзпылкойпыльюзвеняцихнасолнце, чутып

ри	щу		ри	вп
еч	ал		ьн	ье
оч	и,		не	сп
еш	а,		оч	ен
ьч	ин		но	,п

ересчитывая песчинки, их-бесчисленноесколичество, ихбез
счетнизачтонесть, каксомнамбулау соннойзевоте, через

си	лу	,с	кв
оз	ьс	ла	до
ст	ны	йс	то
н,	ко	гд	аб
ро	нз	ов	ый
ма	ят	ни	кс
ол	нц	а,	сб
ро	си	лт	ен

ьнаоазисвопрокинутыхнабокпесочныхчасах... бе
сползеноползетпесок... всеползет-иползетчере

па	ха	..	.з
ап	ьх	ал	ас
ь.	ус	та	ла

.Идет. полыхаетдыхание-жлет! каксухая
земля, склоныскал, какплаха, рас-гре-с

ка	лс	яп	ан	ци
	рь	на	ст	
	ер	ты		
		хп		
		ле		
		ча		
		х.		

..

Магнит

М А Г Н И Т

П М	Л М		Л	Н	Ш
и е	а и		о	о	п
к ч	т н		м	ж	а
а	н а				г
					а

э : еть,ха , рет,утопленник,его со инка,под ка - кровь - в те !

Бук-во-Куб

извер-же ро-насть р-бвжесте	н-е сонк оде-рится ли-уз-лом	анул-ало фра-араз- , слепокм	
в-п од-е н-атв к-е	у-гроб-к ис-лап-к на-вертел	акимков ол-за-мел еотис-си	н-гроб-ш н-гроб-ш тель-нопо
к-е	рак-пере- тв-ков-кис жунг-ляна	крученонп лов-на-сил ли-анахил	учий-берег оско-мину авятсявзе
л-нп у-ер в-жр л-ж	т-со- я-пр- и-к-в	-ленипави впоро-шок ожеожог,н	-аны,риф- -порохавс ебооморем
р-е ж-в з-ам и-ло й-л	т-со- я-пр- и-к-в н-о-ч- л-г- о-л-у- е-р	сульта-кл ьтра-мари ки-куль-м	ингори-во н,изкубик аныконостр
	о-о-п й-к-п о-к-т-л н-о-л 'п	ро-здание ,рукфакто щае-тс-я-ф-а	нтарветул аРубикару у-ируютми окефактов типре-вра остьбукв.

Крот

На метро

вой глубине - крот... р
оет Землю, к ратную рту... к
роме мрака и виб рации червей нич
его не чувствует. Но чу! - все на ощу
шь... где-то шор ох - хор ошо! Значит с
гол ода уже не помру, значит голову, как в
бинт - в лабиринт, значит скоро - работа жи
воту, в тол ще грунта остывают сл едн, слеп
ок ночи - в г лаз ницах тишины, и болят, бо
лят, болят, болят глаза - черный яд вливает
ночь на дно зрачка, шерсть раотет вместо ре
сниц и сквозь глаза, вместо века - лишь
кусо чек теплой шк урки крота. С з
лым упрямством подземной горы
прорывает к рот в себе
нар ьв н оры...

